

Виктор ЧУРИЛОВ

ОЧЕЛОВЕЧЕННАЯ ПРИРОДА

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ТОВАРИЩА

Знакомство с Леонидом Кирчиком произошло так. В редакцию нашей райгазеты «Юргинские ведомости» передали его рукопись. Стихи я сразу отложил в сторону – автор явно не владел формой, а лирические миниатюры показались вполне пригодными для очередной литстраницы.

К тому времени за его плечами уже был институт, служба в армии, годы труда на производстве... Так что жизненного материала для литературного творчества ему было не занимать. Но основной темой стала для него природа – наша, сибирская, вошедшая в его душу и сердце, видимо, с молоком матери.

Леонид – постоянный гость леса, поля, рек и озёр в окрестностях своего родного посёлка-разъезда «79-й километр» на кемеровской ветке главной сибирской железнодорожной магистрали. Его первая книжка, вышедшая в 2003 году в Юрге, так и называется – «По полям, по перелескам». Вот одна из «акварельных» зарисовок – «Ивушка»:

«У изгиба лесной дороги, на сырой небольшой полянке, склонившись, словно кого-то поджидая, стоит старая-престарая ива.

Увидел я её и остановился в изумлении. Царь-ива! Неужто возможно такое?! Подобных великанов среди ив-бредин мне что-то не приходилось встречать. Обычно это кривенькие, невысокие деревья толщиной с хороший кол, ну с два кола. А тут...

– Сколько же лет тебе, ивушка? Наверняка ты помнишь моего деда. Говорят, по этой самой дороге на лихих конях ехал он свататься в соседнюю деревню. Расскажи мне о нём, ведь я никогда не видел своего деда. <...>

На корявых уцелевших ветках распустились жёлтые пушистые серёжки. Их мало: немного наверху, немного по бокам. Но даже этого хватило, чтобы старое дерево преобразилось: ожило, озарившись тёплым золотистым светом...»

Чтобы писать, Кирчику не надо придумывать. Ведь у него пристально-наблюдательная, дневни-

ково-мемуарная палитра творчества. В памяти накоплены сотни эскизов, которые художник развёртывает в красочные многоцветные полотна.

И кладёт, не выдумывая, строку за строкой, плотно, надёжно, как в студенческие годы вёл кладку кирпича, возводя очередное здание на стройплощадке города Томска.

И человеческий портрет он рисует так же выпукло и ярко, как любимое с детства цветущее поле и родные, уходящие за горизонт, просёлки: «Кручу педали, нагоняю бегущую впереди телегу, уставленную флягами. Почерневший от солнца мужик оборачивается.

– О! Дядя Андрей! Рад тебя видеть.

Уцепившись за телегу, еду рядом. Дядя Андрей – муж моей тёти, живёт в соседней деревне, что в пяти километрах от отчего дома. Пенсионер. В молодости был ухарь-мужик. Любого коня укрощал. Сейчас в нём половина того, что было. Состарился, ослаб. На тяжёлую крестьянскую работу уже не пригоден. На сивом мерине трусит по полям, развозит питьевую воду. Но человек он гордый. На здоровье и трудности никогда не жалуется.

– Как дела, дядя Андрей?

– Дела идут, контора пишет, только денег не дают, – задорно смеётся он. – Лучше расскажи, как там у вас в городе, что говорят о нынешней жизни?» («**Конёк-горбунок**»).

Нельзя без улыбки читать рассказ «**Неясыть**» – о том, как он решил однажды в зимнем лесу во что бы то ни стало разбудить крепко спавшую сову, с презрением игнорировавшую его желание «снять» её с насиженного места!

Мне нравится спокойный, повествовательный, иногда философски-рассудительный стиль книжек Леонида. Нельзя без светлой зависти и грусти читать рассказ «**Отчий дом**»:

«Вновь я в деревне. Сплю, как и прежде, на чердаке, умываюсь из бочки. Вечером засыпаю под монотонное лопотание листьев старого тополя, стоящего за домом, утром просыпаюсь под свист иволги... Люблю милый отчий дом. Наш маленький уютный деревянный домишко, стоящий у самого леса, на краю небольшого разъезда. Это – центр моей вселенной, мой уют. Возвращаться в него – всегда большая для меня радость. Жду не дождусь, когда толкнусь в скрипучие двери, обниму мать, сяду на привычное место в углу за столом.

Счастлив тот, у кого есть отчий дом...»

Виктор Арнаутов, прочтя первую книгу моего земляка, был восхищён его мастерством и написал о ней восторженный отзыв. И зачислил Леонида

Кирчика в категорию писателей-натуралистов. С оценкой мастерства Кирчика я согласен, а вот с категорией «натуралист» не совсем. Правда, подчеркнув созерцательность автора «Перелесков...», Арнаутов уточнил:

«А вот вам и примеры второго этапа познания-осмысления увиденного, рассуждения над смыслом и предназначением в этом мире...» (Газета «Край», 6 февраля 2004 год).

Вот именно! Не просто созерцательность, не просто наблюдения (что само по себе интересно), которые, скажем, вёл и описывал один из учёных-природоведов нашей области Илья Зыков, автор книг «Очерки природы Кузбасса», «Календарь природы» и «С ружьём и котомкой по тайге», не размышления о проблемах охраны лесов земли Кузнецкой лесовода Леонида Баранника – «Природа – наш дом», не рассказы и очерки о сибирской тайге и её обитателях журналиста Виктора Моисеева «Подарили бобрам речку...» (их книги издавались в Кемеровском книжном издательстве в советские годы).

Книги Леонида Кирчика – своего рода увеличительное стекло, благодаря которому, наряду с бескрайним сибирским полем, что писателю «родней» даже леса, «как ни хорош» он, читатель не только увидит другие, «мелкие» чудеса природы – то нежные беззащитные ноготки, которыми восхитилась, увидев их, девочка, и которые затем оборвал «лекарь-травознай», превратив клумбу в «лицо без глаз»; то славную жизнь, таинственно рождённого и таинственно исчезнувшего необычной окраски, чёрного среди белых, цыплёнка, но и, увидев, будет переживать, став неожиданным участником описываемых событий, пройти мимо которых, не заметив их, невозможно!

«Давно уже я живу в городе, – пишет, словно исповедуется, Леонид, – а привыкнуть к нему всё никак не могу. Дали мне не хватает, поля. Погляжу из окна своей квартиры – дом пятиэтажный перед глазами, пройду в комнату напротив, гляну в другое окно – такой же высотный дом, только не кирпичный, а панельный. Сузился мир для меня до крохотного пространства между домами, тесно в нём душе, привыкшей к простору, и мыслям тесно».

Я был бы глубоко неправ, представив Леонида Кирчика как писателя одной темы. Отнюдь. В его творческом активе цикл интереснейших очерков – путевых впечатлений, накопленных в дни отпускных путешествий по Сибири и Средней Азии. Что говорит о необычайной и разносторонней любознательности их автора, которому становится тесно в масштабе крохотного железнодорожного разъезда.

Ну вот, даже несколько особняком (или мне так показалось?) среди рассказов и зарисовок выглядит «нравственная» сказка **«Пень болотный»**.

Дерево, ещё вчера могучее, речам которого внимала вся округа, не смея его прервать, волею случая превратилось в низкий, невзрачный приболотный Пень. Теперь даже однолетний Камыш, ставший выше его ростом, надменно говорит: «О чём ты можешь судить, Пень, если мне по пояс?». А деревья, вчерашние подобострастные соседи, отныне его в грош не ставили и затыкали ему рот, едва он по привычке пытался что-то сказать.

И Пень не выдержал обид. И покинул родное болото.

Не буду пересказывать его дорожные страдания и приключения. В конце концов Пень не вынес разлуки с домом, решил вернуться в родные места. «Пусть насмеются, пусть шикают – переживу, лишь бы быть дома», – думал он.

Вернувшись к болоту, встав ночью украдкой на своё место, он прикинулся спящим, боясь, что едва рассветёт, едва он откроет глаза, на него вновь сыплется град насмешек. Но... когда Пень, осилив страх, открыл глаза, то удивился тишине. А, оглядевшись, «увидел, что вокруг него одни пни...». Точно такие же беспомощные и беззащитные, как и он сам...

Меня восхитила эта неожиданная концовка сказки – настоящая находка, которая не повторяет, а как бы «натурально» дополняет мораль известной басни Крылова:

*Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!..*
(«Лев и комар»)

Наказание «души низкие» (Крылов), из тех, кто смеялся и обижал слабого, получили соответствующее: они теперь сами «унизились», «уравнялись», став такими же «пнями» и «пеньками» болотными – всего лишь «по пояс» однолетнему Камышу!..

В последней, четвёртой книге «Странички из походного блокнота» Кирчик поместил автобиографический раздел «Отблески», посвящённый близким людям.

Хочу выделить из этой тематики маленькую повесть о матери **«Голубка милая моя»**.

Талант словотворчества – это дар. Такой же, как любовь к природе или любовь к чтению. Но для их развития нужны условия. Леониду посчастливилось прожить детство и раннюю юность в селе. А природа там – «За порогом дома» (название второй книги, вышедшей в Юрге в 2007 году). А ещё, повто-

рюсь, посчастливилось воспринять любовь к земле, а также к чтению и образному мышлению от самого близкого и дорогого человека – матери. Воспринять и выразить в слове:

«Вот и пришла пора забирать мамочку из деревни в город. Совсем одряхла старушка. Не под силу стало жить одной. Шутка ли – восемьдесят шест лет! И память поехала.

– Тут помню и тут не помню, – говорит она мне. – Голова моя уже не головит и думов никаких нету...»

Читая, я иссинил пометами едва ли не каждую страницу повести – так много неожиданного, ранее не читанного содержит эта драма на первый взгляд обычной и в то же время потрясающей своей «обычностью» жизни человека! Столько мудрости и оптимизма, юмора и истинно народного языковорчества найдёт в ней читатель. Для подтверждения мне захотелось сделать выписки.

О расставании с жизнью в деревне

«– Сынок! Как мне не хочется уезжать! Реветь буду! Я такая деревенская, так люблю своё гнездо... В городе пропаду, тоска меня съест. Я уже несколько ночей не сплю, всё думаю, думаю... Как мне родной уголок покидать? В нём всё такое милое, такое красивое...

– Ну, не всё! – стараюсь хоть немного успокоить её, возражаю я.

– Как это не всё? – обижается она. – Неужели не видишь? Всё красиво. Коровка идёт с поля домой – красиво... «Му-у, му-у...», иду, иду...», – говорит она хозяйке. Телёночек тоже: «Му-у, му-у...» – молочка у мамы просит. Курочка тоже красиво: «Ко-ко-ко, ко-ко-ко...». Гуси: «Га-га-га, га-га-га...»

О своих односельчанах

«По вечерам, как обычно, мать заводила разговор о доме, вспоминала разъединских женщин, которых знала с молодости и по которым скучала. О всех говорила с большой любовью, как о сёстрах, но характеристику каждой давала строгую, исходя из своего мнения.

– Танька – это бык будущий. С ней может жить только дракон... Потому и живёт одна, и никто к ней не сватался. Но мы с ней не ссорились. Друг другу промолчим и всё на этом.

А кума моя – баба неплохая, но для себя плохая: пьёт по-страшному. На курорт съездила, малость разгорбатилась и опять запила.

Тайка тоже хорошая, только слушать её тяжело, говорит много. Когда вы с Валерой в армии служили,

она меня больше всех выручала: «Шур, Шура, не горюй, скажу Грише (мужу) – он сделает». Гриша Тайке всегда подчинялся, по её указке и мне помогал.

Катя всегда всё знает, как шпион. Мы с ней по вечерам часто разговаривали. Она мне все новости сообщала. Сейчас тоже в городе у дочки мается. Жить у детей с обеих сторон плохо: детям беда и старикам беда...»

О скоротечности жизни

«Всю жизнь мать прожила в деревне, любит её, а ещё любит посещать магазины... В магазине ей всё интересно... То платья разглядывает, то посуду, то платки...

– Всё думаю: то ли мне умирать, то ли платье новое купить? <...>

– Жизнь такая быстрая. Только маленько залезла, а уже слазить приходится. <...>

– Всё ушло. Только ветер по-прежнему дует... Я хотела бы ещё работать. Родилась дурнорабочим. За мою работу Бог меня держит на земле. Видит, как я стараюсь. Труженик – это самый святой человек на свете...»

Повесть «Мать» – это не только биография «отдельно взятого человека». В судьбе простой сельской труженицы прослеживается судьба поколения, на плечи которого легли и испытания предвоенных лет и страдания страшной войны, а затем и тяжесть её последствий.

В одной из пяти глав повести есть эпизод, когда увезённая в город мать вспоминает свою кормилицу, «милую коровку».

«– Мне сегодня коровка приснилась, – сказала она сдавленным голосом. – Красивая такая, ровненькая... Идёт, мычит... Она на меня в обиде. А я не могла её больше держать. Из сил выбилась, заболела...»

Коровка моя чёрно-беленькая... Запрягу её в телегу, веду на поводке. Она дёрг и остановится. Бока раздуваются от натуги. Я глажу, глажу её по носику: «Ну чё, поедем, миленькая?» Коровка дёрг, и поехали. Мне стыдно перед коровкой. Как её доить?! Всё лето сено на ней вожу, как на коне. У коровки слёзы из глаз кап-кап... Я её уговариваю: «Не плачь, миленькая, не плачь...» А сама реву. Коровка – это мать. Она плакала, что везти не может, а я плакала от жалости к ней, стыда и горя... Выхода у меня не было. Нужда... Вы маленькие, без отца... Коровка мне помогла вас вырастить...»

Сын-писатель не только ласково, благоговейно ухаживает за престарелой, немощной матерью. Он старательно записывает её интересные выражения.

«Какая красивая у меня мама! Худенькая, дряхленькая, беспомощная, но какая красивая, какая милая, как солнечный зайчик... И хотя силы её таяли, память уплывала, язык по-прежнему был точен.

– Отчего у тебя синячок на ноге? – спрашивал я.

– Да так! Шла и уронилась.

– Давай я чашечку с вареньем подержу, а то вымажешься, – предлагал я.

– Вымажусь, так оближусь, – улыбалась она <...> Сейчас я тебе только выхваточки расскажу. Я не знаю, как у кого, я скажу, как у меня...»

Из фраз, оборотов речи «некнижного» языка матери рисуется её портрет – то «мелковый», то «карандашный», то «акварельный», то «маслом»...

Этот словесно-биографический портрет позволяет проследить её жизнь начиная с отроческих лет до последнего часа. Она жизнелюб, неиссякаемый оптимист. Но не бездумный, не лишённый разномыслия.

«– Почему всё живое на земле мучается? По какому закону? – обращается она к сыну. – Берёзка сохнет, мучается; птичка с перебитым крылом мучается – улететь не может; зверёк в капкане мучается... Почему зло такое злое? Его не зовут, а оно приходит. Само приходит! Если Бог – любовь, то кто его присылает?.. Разве нельзя жить без зла?..»

Самые душевные, самые проникновенные строки посвящает Леонид матери. Он вспомнил случай, как однажды, занедужевшая престарелая мать подобрала выброшенный кем-то почти высохший саженец яблоньки, вымочила его и посадила. И сказала сыну: «Если примется, то и я ещё буду жить...»

Яблонька принялась. «Всю зиму мать жила мечтой, что яблонька весной зацветёт. Когда злые болезни особенно свирепели и на душу наваливался камень отчаяния, она заводила разговор об яблоньке, и это спасало её.

Весной яблонька зацвела, нарядилась в реденькую беленькую кофточку. И надо было видеть глаза матери. Они светились от счастья. Столько было в них тепла и нежности!...»

И, конечно же, счастливы были оба. Мать – оттого, что почувствовала прилив жизненных сил. Сын – оттого, что исполнилось загаданное материнское желание.

Он радуется тому, что мать, как и он, влюблена в красоту природы:

«– Скорей бы снег сошёл... В садике посажу калину. Как я раньше не додумалась до этого? Красота-то какая!»

Третья книга Леонида Кирчика вышла с необычным названием – «Брызги». С любопытством откры-

ваю её. О-о! Это уже нечто иное. Автобиографическое повествование: «Школа», «Армия», «Университет», «Завод»... И пусть не какое-либо литературное «открытие Америки» – темы давно «засвеченные» и классиками прошлого, и современниками, но содержание и язык свои, кирчиковские! Пусть микроскопический, но вклад в общую копилку нашей отечественной истории.

Читаю их, и вновь так и подмывает цитировать

ИЗ МАЛЕНЬКОГО РАССКАЗА «ЛЫЖНЯ»

«Наскучила мне городская зима: снег грязный, истоптанный, на дорогах сырость. Собрался и поехал в деревню. Там – настоящая зима: пушистая, трескучая, с белым-белым снегом. В поле вьюги гуляют, песни поют, удалые братцы Мороз Красный Нос и Мороз Синий Нос пошаливают, путников беспечных поджидают...»

Оказывается, помимо Морозов – Красных и Синих Носов, есть ещё один: «Мороз Белый Нос, самый сердитый, самый лютый из братьев».

«А однажды я видел поющий снег», – делится писатель. И ему веришь. Веришь, что он на самом деле видел и слышал, как «на опушке берёзовой рощи колючий ветер пересыпал ледяные снежинки, и они тихо позванивали».

Подметил он и то, что зайцам «трудно бегать по мягкому глубокому снегу» и они не прочь пробежать по проделанной человеком лыжне. Как-то после трёх дней метелей он по следам определил: рано утром прибежал к нему в гости заяц. «Приподнялся на задних лапках, забарабанил передними по ограде: «Эй, мужик! Где ты там?! Выходи скорей! Бегать трудно! Пора лыжню делать!».

«Очеловечевание» природы у Кирчика происходит не статично, наоборот – в действии, в динамическом развитии. Сосёнка у него как живая – то прячется, то поднимается из зимнего схрона. Пёсик Шарик, которому показалось, что хозяин погиб вместе с пнём, на котором только что сидел, а потом незаметно ушёл, издавал, глядя на горящий пень, «душераздирающий вой». А когда хозяин нашёлся, бросился ему на грудь с «заплаканными глазами».

Его писательское кредо – не только наблюдать (это само собой, как дышать!), а находиться в эпицентре событий:

«Шёл я полем и от избытка чувств улыбался и что-то бормотал себе под нос, словно токующий черныш. А вокруг бушевала весна, кипели страсти, всё живое сходило с ума от нахлынувшей любви...».